

УДК 130.2:94

Город как место памяти: методологический анализ

Ростовская О.М.

Республиканский институт высшей школы, Минск

В данной статье автор представляет разрабатываемые им основания методологического подхода к исследованию исторического города, синтезируя понятия места, города и памяти, рассматривая феномен города в контексте философского осмысления памяти и воспоминания. Город понимается как коллективная историческая индивидуальность, которая представляет собой место памяти, выступая в роли мнемического субъекта и объекта коллективной памяти и индивидуальных воспоминаний. Процесс индивидуализации города рассматривается через призму идеи соборности, включая индивидуальные воспоминания, коллективную память и все когда-либо заполнявшие городское пространство культурные формы в их взаимосвязи в резервы фрагментарно проявляемой памяти города. Предлагается типология мест исторического города, содержащая айдетически необъективированный и айдетически объективированный типы, последний из которых включает аутентичные места, воссозданные места и места «замещённой» памяти. Акцентируется социальная обусловленность индивидуальности города как субъекта памяти, а также выделяется два уровня обнаружения его индивидуальности: первичного восприятия и перманентного познания и переживания.

Ключевые слова: город, память, место памяти, воспоминание, коллективная историческая индивидуальность.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 105–110)

City as the Place of memory: Methodological Analysis

Rastouskaya O.M.

Republican Institute of the Higher School, Minsk

In this article the author presents the bases of the methodological approach developed by her to the study of the historical city, synthesizing the concepts of a place, city and memory, considering the city phenomenon in the context of philosophical understanding of memory and reminiscence. The city is understood as collective historical identity which represents a memory place, acting as the mnemonic subject and object of collective memory and individual memoirs. The process of city individualization is considered through the prism of the idea of conciliarity, including individual memoirs, collective memory and all ever cultural forms filling the city space in their interrelation in reserves of fragmentary shown memory of the city. The typology of places of the historical city is offered by the author, which contains aidentically not objectivated and aidentically objectivated types, the latter including authentic places, recreated places and places of “replaced” memory.

Social conditionality of the identity of the city as the subject of memory is accented, and also two levels of detection of his identity are allocated: primary perception and permanent knowledge and experience.

Key words: city, memory, place of memory, reminiscence, collective historical identity.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 105–110)

Адрес для корреспонденции: e-mail: rosolg@gmail.com – О.М. Ростовская

Феномен города как предмет социально-философского анализа приобрел актуальность в связи с ростом историко-аксиологического значения города в контексте современной культуры, характеризующейся стремлением к реконструкции прошлого и его переосмыслению. Отражением этого процесса стали дискуссии, эпицентром которых является проблематика памяти, получившая широкий резонанс в социально-гуманитарной сфере.

Принимая во внимание ряд мнемических концепций в философии и теории истории, мы руководствуемся необходимостью поиска такого подхода к осмыслению феномена памяти, который ориентирован на разработку методологических оснований познания города как места памяти, что и определяет цель данного исследования.

Материал и методы. При философском осмыслении феномена города, как носителя исторической памяти использованы следующие методы: анализ, синтез, абстрагирование, феноменологический метод познания, системный подход.

Теоретической основой осмысления проблемы города как места памяти послужили, прежде всего, труды представителей русской философии первой половины XX века (Л.П. Карсавин, Н.А. Бердяев и др.) и европейских исследователей (Ф. Йейтс, П. Нора).

Результаты и их обсуждение. В данной работе интенция анализа феномена города реализуется в контексте социально-философского исследования памяти. Социально-историческая память как одна из форм проявления памяти сверхиндивидуальной ограничена во времени социальными рамками, исторична, системна, сложноструктурирована и артефактна. Она присуща всякому месту, кодифицированному в социальном пространстве в результате фиксации в индивидуальном сознании, вследствие чего некое аморфное «место» приобретает значение места как культурной формы и места памяти. Всякое такое место трак-

туется как место памяти. Отсюда тезис: всякое место есть место памяти.

Дистанцируясь от концепции современного французского историка П. Нора, определявшего место памяти как «всякое значимое единство материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратила в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [1, с. 79], и, таким образом, акцентировавшего социальную значимость и символичность мест, мы используем понятие «культурная форма» как аналог понятию «место памяти», под которым понимаем социокультурно образованный конструкт, синтез материального и идеального, смыслов и образов, имманентность которых в воспоминании преодолевается экстерииоризацией, внедряющей субъективные переживания «формы» в культурный контекст настоящего. Именно посредством воспоминания перцептуальное место естественного происхождения (природное явление или объект) становится культурной формой, тогда как артефакт есть априори культурная форма, и всякая коллективная историческая индивидуальность (народ, нация, община), и всякий индивид как социально-исторический субъект есть культурная форма (или место памяти). И само воспоминание, в котором индивидуализируется память, есть место памяти или культурная форма.

Таким образом, во-первых, индивидуальное социально обусловленное воспоминание соотносится с местом, которое есть место памяти, во-вторых, сверхиндивидуальная социальная память соотносится с местом, будучи фрагментарно проявленной в нем, как и во множестве других. Память не аморфна, она всегда воплощается в чем-либо или ком-либо, и этим ее воплощением является всякое место как потенциальное место воспоминания. Иначе говоря, место в социально-историческом контексте проявлено в разного рода объектах и субъектах – коллективных и индивидуальных, которые выступают в роли и субъектов, и объектов

памяти, но только личность репрезентируема субъектом воспоминания как экзистенциального опыта переживания. Место – эпицентр осуществления памяти: посредством разного рода мест память проявляется в индивидууме в форме воспоминаний-опыта (переживания) и воспоминаний-знания.

Город – место воспоминаний – мест экзистенциального опыта переживания актов социального взаимодействия.

Город – место памяти о себе самом, о прошлом от истока и до точки настоящего.

Город – отмеченный на карте истории хранитель мест и образов, воскрешающих в воспоминаниях его социально-историческое бытие. Это модель социального мира, конструируемая в непрерывном настоящем конкретного, событийного исторического пространства, которое хранит в себе запечатленное в местах и образах отражение своего социокультурного развития.

Город – незаконченный продукт культурной деятельности человека, но при этом сам он – коллективная индивидуальность, реализующая свой потенциал в историческом процессе.

Определяя город как коллективную историческую индивидуальность, мы заимствуем понятие коллективной индивидуальности у Л.П. Карсавина, который понимал ее как стяжённое всеединство, познаваемое символически, через свои индивидуализации. В данном смысле, например, народ как коллективная историческая индивидуальность есть стяжённое всеединство, и познается он посредством его индивидуализаций-личностей. Но именно в конкретной личности, которая есть момент всеединства и стяжённое всеединство, обнаруживаются высшая индивидуальность и ее индивидуализация [2, с. 167–170]. Существование коллективной исторической индивидуальности философ обосновывал именно фактом взаимодействия конкретных индивидов [2, с. 161]. А город есть не что иное, как место процесса социального и культурного взаимодействия.

Но если Л.П. Карсавин использовал понятия «коллективная индивидуальность» и «коллективная личность», то Н.А. Бердяев в отношении государства, общества, нации оперировал термином «коллективная реальность». Осмысливая вопрос о коллективных реальностях, он признавал их индивидуальностями, но никак не личностями ввиду отсутствия «экзистенциального центра», какой обладает лишь человеческая личность – существо социальное и космическое [3, с. 228]. Разделяя эту точку зрения, рассмотрим город как коллективную реальность – как коллективную индивидуальность, которой присуща память сверхличная, историческая, тогда как воспоминания – переживания – принадлежат личности, и в некоторой степени они всегда конфиденциальны, всегда субъективны, фрагментарны, но их социокультурная обусловленность – их укорененность в социальные рамки – способствует тому, чтобы считать воспоминания, наряду с другими местами памяти, культурной формой. Сам город и, в частности, все его исторические мемориальные места априори есть культурная форма, перманентная динамика которой – неотъемлемый признак социального бытия.

В контексте многочисленных подходов (интеграционный, коммуникационный, семиотический, средовой и др.) к исследованию города как исторического и социокультурного феномена мы обращаем особое внимание на концепцию историка и культуролога Н.П. Анциферова – наиболее близкую идею, репрезентируемую нами в рамках данной работы, – идею города как носителя не просто индивидуального образа, но, прежде всего, коллективной исторической индивидуальности с реализуемой вовне и интериорируемой памятью, в резервах которой – все, что было, т.е. все, что составляет социальную и индивидуальную память в модусах знания и переживания, а также потенциально забвенное. Применяя к городу понятие индивидуальности, Н.П. Анциферов соотносил его с тем, что называл душой города. Таким образом, душа города и есть его индивидуальность, т.е. исторически сложившееся

единство элементов, составляющих городской организм, единство его анатомических и физиологических признаков, его «синтетический образ», образованный отложениями разных исторических эпох [4, с. 22–23, 124]. По мнению ученого, даже самые «безличные» на первый взгляд города имеют свои индивидуальные черты, свою особую индивидуальность, свое лицо [4, с. 21–22]. Полагаем, что такая методологическая ориентация исследования города, которая представляет собой индивидуалистический подход к познанию социального образования, может быть развита в контексте социально-философского осмысления исторической индивидуальности города как места памяти, который, репрезентируя себя как рефлексивная форма культуры, реализует память посредством культурных форм и в модусах индивидуальных воспоминаний.

Город как коллективная историческая индивидуальность есть мнемическое место и место мемориализации, где каждая создаваемая или воссоздаваемая культурная форма образована из множества чисел образов и смыслов; и целостный эйдетический исторический образ города есть динамичная конструкция мест и образов. Современность всегда более или менее выразительно контрастирует с обликом исторического города, с каждой новой эпохой, увеличивая концентрацию этого контраста. И на этом фоне выстраивается образ города, который, как ареал присутствия, сосуществования и взаимосвязи множества культурных форм, является своего рода интегрирующим Местом – «местом мест памяти». Однако память города всегда лишь фрагментарно познаваема через историю и символику городских мест памяти, оказывающих влияние на формирование модусов памяти единиц городского социума. С одной стороны, город – эфемерная коллективная индивидуальность, но с другой – это реально существующий субъект исторической действительности. Город хранит в себе, совершенно автономно, свою память, которая отнюдь не

является общим знаменателем воспоминаний городского сообщества. Воспоминания как отражение и переживание, присущие индивиду, и коллективная память общности горожан не самодостаточно для раскрытия смысла социально-психического бытия Места, поскольку они – только интенции, и их историческая рефлексия не эквивалентна памяти коллективной исторической индивидуальности города. Но, принимая во внимание, что процесс индивидуализации коллективной исторической индивидуальности в конкретной личности как субъекта истории констатирует идею соборности, полагаем, что доминирующим принципом бытия города является социокультурное единство и мемориальная преемственность его исторических мест, ретроспективная взаимосвязь которых позволяет рассматривать город (как место памяти) как объект воспоминаний и субъект памяти. Дихотомия, выраженная в динамичном потоке энергии актуальных воспоминаний и неторопливом, созерцательном бытии индивидуальности самого города, преодолевается через аккумуляцию памяти мест, интегрируя субъективные переживания в социальный опыт и социально-историческую память в модус индивидуального обосновывающего воспоминания, в модус знания. По отношению к последнему, т.е. к выявлению фактологической части – к извлечению отдельных, конкретных и актуальных в контексте настоящего знаний, применим метод социологии. Но только анализ модусов воспоминания как синтеза знаний и переживаний – как субъективного стяжённого и фрагментарного проявления памяти, экстериоризированного в дискурсе, дает способы интерпретации *memoria*.

Город как историческая индивидуальность становится объектом актуальных воспоминаний вследствие эйдетического видения его культурно-исторических мест. Исходя из этого, можно выделить два типа культурных форм исторического города.

1. Эйдетические объективированные места (эйдетически объективированный тип) – «оформленные», осязаемые, визу-

ально воспринимаемые потенциальным субъектом воспоминания культурно-исторические формы городского пространства. Среди них обозначим:

- 1) аутентичные места;
- 2) воссозданные места;
- 3) места «замещённой» памяти – следствие практики «замещения» культурных форм, т.е. смены их образа, смысла, их функционального назначения.

2. Эйдетические необъективированные места (эйдетически необъективированный тип) – культурно-исторические формы города, не обозначенные в современном городском контексте, эйдетически отсутствующие в социокультурном городском пространстве, однако хранящиеся в памяти города и, возможно, в социальной и индивидуальной памяти, но лишь как образы памяти – как мнемические эйдетические образы. Они возникают вследствие практики «стирания» исторической памяти путем разрушения культурных форм, что порождает кризис мемориальной преемственности и культурно-исторической идентичности. Урбанизация зачастую противоречит принципу сохранения и реставрации идентичности городского социума. Пространство города конструируется из актуальных паттернов, исключая его преемственное развитие. Как результат – стирание культурно-исторического образа города.

Как видно, культурные формы города возникают как аутентичные места, либо как места замещённой памяти. Впоследствии возможна их трансформация в эйдетически необъективированные места, которые либо такими остаются, либо становятся воссозданными местами, либо местами замещённой памяти. Предлагаемая типология позволяет, во-первых, рассматривать город как место памяти (субъект и объект памяти), проявленное во взаимосвязи множества мест-культурных форм – как эйдетически объективированных, так и непроявленных, во-вторых, выделять новые подтипы, учитывая специфику мест памяти каждого конкретного города, в-третьих, производить ретро-

спективный анализ мест города из точки настоящего.

Так как город во множестве его культурных форм есть фрагментарное, стяжённое проявление всеединой, сверхиндивидуальной памяти, он вписан в социокультурный контекст прошлого, настоящего и будущего. Социальная обусловленность индивидуальных воспоминаний столь же очевидна относительно города в том смысле, что историческая индивидуальность города социально обусловлена. Отсюда две основные задачи, стоящие перед исследователем-урбанистом:

- 1) выявить проявление общих социально-исторических тенденций;
- 2) определить индивидуальные черты исторического города.

Согласно вышеизложенному подходу, всякий исторический город репрезентируется как уникальный в своем роде субъект истории и памяти, индивидуальность которого становится объектом и местом воспоминания-знания и воспоминания-переживания посредством восприятия его культурных форм. Общей характеристикой для всякого исторического города (Рим, Париж, Москва, Смоленск или Полоцк, или др.) констатируется проявление коллективной индивидуальности в вертикальной и горизонтальной взаимосвязи его мнемических мест, наличие в городском пространстве как эйдетически объективированных, так и эйдетически необъективированных мест.

В данном ракурсе нельзя говорить о «типичном» городе, поскольку акцентируется индивидуальность исторического города как места памяти – способного помнить и быть воспоминаемым. Среди множества больших и малых городов с разной хронологической протяженностью их жизни и разным количеством и плотностью присущих им культурных форм всякий может стать примером. Основным критерий выбора города как объекта исследования связан с наличием двух уровней «обнаружения» индивидуальности. Первый уровень весьма поверхностный, но именно он формирует наше восприятие городов; это «взгляд путешественника», фиксирующий исторический облик

города и запечатляющий в памяти его образ. Второй уровень по своей протяженности соотносится с прошлым и настоящим измерениями бытия города как потенциальными модусами воспоминания о нем; он образуется в процессе длительного, постепенного, перманентного наблюдения и исследования города в единстве его мнемических мест – переживания и познания души и тела города как культурно-исторического субъекта памяти и места, сформированного множеством воспоминаний. Соответственно, очевидная историческая индивидуальность места как общий критерий требует проникновения в те глубинные слои, следы которых недоступны взгляду ознакомительному. Таким образом, только наличие обоих уровней способствует раскрытию и научному познанию индивидуального в каждом конкретном историческом городе. Следовательно, для историка-урбаниста важно формировать эти уровни, используя все возможности, которые открывает память города посредством своих культурных форм – мест эйдетических и непрявленных.

Заключение. Резюмируя, отметим, что, синтезируя концепты места, памяти и города, мы определяем город как место па-

мяти в том смысле, что он есть коллективная историческая индивидуальность и субъект памяти, сосредоточие индивидуальных воспоминаний, коллективной памяти и других культурных форм, наполняющих историческое пространство бытия города, «обнаруживаемого» исследователем-субъектом воспоминания в процессе познания и переживания, в которых проявляется индивидуализация памяти Места.

Литература

1. Нора, П. Как писать историю Франции? / П. Нора // Франция-память / П. Нора, М. Озуф и др.; пер. с фр. Д. Хапаевой; науч. конс. пер. Н. Копосов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – С. 66–94.
2. Карсавин, Л.П. Философия истории / Л.П. Карсавин. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 510, [2] с.
3. Бердяев, Н.А. Опыт эсхатологической метафизики / Н.А. Бердяев // Царство духа и царство кесаря / сост. и послесл. П.В. Алексеева. – М.: Республика, 1995. – С. 163–286.
4. Анциферов, Н.П. Пути изучения города как социального организма / Н.П. Анциферов. – 2-е изд., испр. и доп. – Ленинград: «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1926. – 150 [1] с.

Поступила в редакцию 05.02.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.